

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАЖДАН

(1922–1997)

В канун своего 75-летия умер Александр Петрович Каждан – один из очень немногих российских византинистов, сопоставимых по значению с замечательными учеными предреволюционной поры: В.Г. Васильевским, А.А. Васильевым, Ф.И. Успенским...

Довоенный московский школьник Каждан наверняка мог стать профессиональным математиком или хорошим поэтом: он завоевывал первые призы на городских олимпиадах и писал весьма неплохие стихи. Стихи А.П. Каждан продолжал писать еще долго, но никогда их не публиковал, поскольку, по собственным его словам, успел вовремя прочесть произведения Бориса Пастернака, соревноваться с которыми был не в состоянии. Деталь эта весьма характерна: оценка своего труда по самым высоким критериям ему была свойственна в течение всей жизни. Не призванный в армию во время войны из-за слабого зрения, он закончил в эвакуации заочное отделение истфака Башкирского педагогического института в Уфе. Вернувшись в Москву, Каждан поступил в аспирантуру Института истории АН СССР и навсегда сохранил благодарную память о своем учителе академике Е.А. Косминском, которого до последних дней считал несправедливо забытым в России и не оцененным на Западе.

После защиты кандидатской диссертации А. Каждана не могли, конечно, оставить работать в Москве: страна активно боролась с «безродными космополитами» – и следующий десятилетний период молодой ученый провел в провинциальных скитаниях, которые завершились лишь с началом «хрущевской оттепели». С 1956 г. А. Каждан начинает работать в только что образованном секторе истории Византии Института истории АН СССР. Следующие 20 с лишним лет московской жизни – очень значительный и переломный период в его творчестве – Каждан начинал так, как это было принято в ту пору в советской науке: с изучения социально-политической и экономической истории. Его достижения в этой области были весьма значительны, но очень скоро он выходит за рамки традиционных тем и его начинают интересовать не столько история безличных социальных процессов, не установление источников текстов и их датировок, а в первую очередь человек с его материальным миром и духовными ценностями. Круг интересов исследователя расширяется, охватывая все новые области, традиционно относящиеся к сфере литературоведения, искусствоведения, истории права и так далее. В своих исканиях А. Каждан уже в 60-е годы примкнул к опыту западноевропейской медиевистики, главным образом к школе «Анналов», сочетавшей в лице лучших своих представителей глубину традиционного историко-филологического анализа с современными приемами исследований.

Интерес А. Каждана к проблеме человека был отнюдь не чисто «археологическим». Ученый жил в условиях тоталитарного общества и на примере византийцев как бы проверял наблюдения над своими современниками. Ученая деятельность А. Каждана встречала самый живой общественный отклик в России 60-х – начала 70-х годов, сам ученый активно сотрудничал в «Новом мире» – наиболее прогрессивном литературном журнале того времени.

Последние 20 лет жизни Каждан жил в Дамбартон-Оксе – это были годы итогов и полного раскрытия дарования исследователя. А.П. Каждан был одним из немногих ученых, выработавших свою собственную, во многом полемичную концепцию византийской цивилизации. С его точки зрения, она не была простым синтезом греческой образованности, римской государственности и христианской религии, а представляла собой специфическое формирование, противостоящее как античной традиции, так и западноевропейской средневековой культуре. А. Каждан как-то раз даже заметил в шутку, что самое ненавистное для него слово в византиноведении – *mimesis*. Он понимал, конечно, огромную роль античных традиций, но стремление некоторых ученых свести к ним всю культуру Византии вызывало в нем постоянное раздражение.

Огромные знания и исследовательский опыт, накопленный десятилетиями систематического труда, позволили А. Каждану возглавить работу по созданию византийского словаря. Ученый

не только сам написал множество статей, но практически определил и общую концепцию всего издания и при этом сам нещадно правил большинство статей, добиваясь лаконичной точности и возможной полноты информации. Можно предъявлять сколько угодно претензий этому изданию, удовлетворить которые во многих случаях просто невозможно, но факт остается фактом: именно Александр Каждан создал первый в истории византиноведения словарь, без которого сейчас не может обойтись ни один исследователь. Весьма важно и то, что в словаре максимально учтены работы отечественных ученых. Пропаганде исследований русских византиноведов Александр Петрович немало способствовал и в других изданиях.

Последней мечтой Каждана было написать историю византийской литературы VII–XII веков. Из шести задуманных томов закончить удалось только два. Этот труд, пожалуй, – самый новаторский из всего созданного А.П. Кажданом: византийская литература рассматривается в нем не как собрание распределенных по жанрам текстов, а как живой эволюционирующий организм.

Александр Петрович Каждан был человеком высоких стандартов в науке, жизни, художественных вкусах. Достаточно сказать, что самым его любимым и постоянно читаемым писателем, писателем *par excellence*, был Шекспир. Открытый радостям жизни, он сохранял одну область табуированной для семьи и друзей – свои рабочие часы. Систематичность и жесткая регламентированность его труда только усиливались со временем. Еще одно его качество заслуживает быть отмеченным отдельно. Отнюдь не лишенный честолюбия, А.П. Каждан был необычайно щедр научно и радостно делился с коллегами собственными наблюдениями и соображениями. Может быть, поэтому он всегда так хотел иметь учеников, их было у него – увы! – немного.

В Москве Александр Петрович был всегда окружен друзьями, в Америке их почти не стало, и он старался, как мог, поддерживать старые связи, главным образом уже эпистолярные. Если когда-нибудь будет издана переписка А.П. Каждана, особенно первых лет его пребывания в Америке, читатель сможет найти там массу интереснейших замечаний и рассуждений.

Обидно, конечно, что русский читатель должен знакомиться с последними работами А.П. Каждана на английском языке, однако в неродной Америке ученый смог успеть сделать еще больше, чем в родной России. В конце концов, наука интернациональна. Александр Петрович Каждан в этом был всегда глубоко уверен.

Я.Н. Любарский